

НА КАМЕННОМ ЛОЖЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ХОДЖА АХМАД АББАС

Индийский писатель

В этот ненастный день набережная Марин драйв была пустынной. Волны с силой ударялись о гранитные берега, вздымая фонтаны брызг.

Издали Бхола увидел стоявшую на каменном парапете тонкую женскую фигурку и бросился к ней. Это была Радха. Она стояла на самом краю, намереваясь покончить с собой в бушующих волнах океана. В этот момент, когда решалась судьба Радхи, он пришел ей на помощь и вернул к жизни. Разъяренное море обрушило на них гигантскую стену клокочущей воды, которая едва не увлекла их в пучину. Но они стояли, крепко прижавшись друг к другу. Мокрая одежда прилипла к телу. Ветер, бушевавший на берегу, развеивал волосы Радхи. Но вот постепенно шторм стих и, взявшись за руки, юноша и девушка пошли вдоль набережной. Выглянуло солнце, и на душе стало веселее. Бхола показал Радхе вымытые дождем цветы и сказал, что страдания и слезы смыли и с нее все грязное. «Я был глупцом, когда раздумывал, жениться или не жениться на тебе», — с раскаянием сказал он.

Так, взявшись за руки, промокшие, но счастливые, они отправились в храм.

Когда они выходили из храма, на них были гирлянды цветов, а на лбу виднелись свадебные знаки. Лицо Радхи светилось тихой радостью, радостью невесты. Казалось, эту счастливую пару незримо сопровождает свадебная процессия.

Они пришли в свое железное жилище, где случайно свела их судьба. Теперь оно было украшено цветами и освещено маленьким глиняным светиль-

ником. То была самая удивительная спальня, в которой когда-либо приходилось проводить первую брачную ночь молодоженам. Радха завесила круглые отверстия, через которые скупно проникал дневной свет, своими старыми сари.

— Я так хотел бы подарить тебе самые красивые сари, самые дорогие украшения. Подарить тебе дом с серебряными кроватями и золотыми стульями, — мечтал вслух Бхола.

— Ты подарил мне все! Все! Мне больше ничего не нужно! — воскликнула Радха.

Когда он потянулся к ней, его взгляд вдруг упал на нож, лежавший возле светильника. Она заметила тревогу Бхола и отдала ему нож.

— С этого дня он мне больше не нужен, — сказала Радха. — Теперь ты мой защитник.

Он посмотрел на нее с любовью и страстью.

Она посмотрела на него с любовью и покорностью.

Их разделяло мерцающее пламя светильника, и они одновременно дунули на огонь.

...Челноки кружились, словно понимая, какой сегодня счастливый день у Бхола. Юноша стоял у машины, и сердце его пело, и руки легко и ловко справлялись с работой.

Так же, как челноки, казалось, кружились в веселом танце и медные блюда в руках Радхи, когда она чистила их на кухне у своего хозяина. А он, толстяк с маленькими усиками, стоял у двери и масляными глазами следил за каждым ее движением.

Когда она, кончив работу, направилась к двери, толстяк преградил ей дорогу и уставился на нее наглым взглядом. Подмигнув ей, он сказал:

— Куда торопишься? Останься!

Радха наклонила голову и, показав хозяину красную полосу на проборе, сказала:

— Ты видишь это, бабу? Запомни, а то я оставлю твой дом.

Открылась дверь. В пустую комнату ворвался луч солнца. Сюда вошли Бхола и жилищный агент. Бхола осмотрел комнату. В углу стоял умывальник, на веранде белела плита... Агент сказал, что платить придется тридцать рупий в месяц.

— Но, принимая во внимание, что вы молодожены, — добавил агент, — я попрошу моего друга Седжи, чтоб он согласился на двадцать пять.

— Такая сумма мне не по карману! — вздохнул Бхола.

— Ну, тогда оставайся жить на улице! — обиженно воскликнул делец.

И Бхола вынужден был последовать его совету...

Заботливые женские руки способны создать уют и в жалкой хибарке. Вернувшись «домой» после неудачных поисков жилья, Бхола был приятно поражен: все здесь сверкало чистотой. С ласковой улыбкой Радха подала ему обед.

— Как мне стыдно, что тебе приходится жить в этой конуре, — сказал Бхола. И он поведал Радхе о своих мытарствах, о том, сколько времени он потратил напрасно на поиски комнаты.

Радха успокаивала его, уверяла, что и здесь она вполне счастлива: «Все же лучше, чем на мостовой...»

— Мы лишь бедные крестьяне, — сказал Бхола, — но в деревне у нас свой домик и большой двор. Мы с тобой обязательно поедем туда, и ты увидишь, как у нас там хорошо.

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 10 и 11 за 1961 год.

— А когда, по-твоему, мы сможем поехать к тебе? — спросила Радха.

— Когда мы накопим немного денег, — ответил Бхола со вздохом.

...Челноки, казалось, вертелись медленнее, ленивее: Бхола работал без всякого воодушевления. Он думал о жилье, о крыше над головой.

С такими же грустными мыслями чистила посуду на кухне Радха. Вдруг у нее закружилась голова, и она упала. Старая женщина, стоявшая поблизости, бросилась к ней на помощь. Когда Радха пришла в себя, старушка шепнула ей на ухо: «Ты скоро станешь матерью».

С этой необыкновенной новостью она возвращалась «домой». «Наверное, Бхола давно уже ждет меня», — думала Радха, не замечая ничего вокруг себя. Она спешила «домой», а «дома» уже не было в помине. Он исчез еще днем, исчез под землей, заняв свое место в приготовленном для него туннеле.

Бхола утешал ее, как только мог.

— Я знаю, — сказал он, — таких людей, которые нас охотно приютят, пока не кончится монсун. Пойдем!

И они пошли искать пристанище.

С трудом вошли они в переполненный вагон пригородного поезда. И когда перед ними замелькали окрестности Бомбея, она шепотом поделилась с мужем волнующей новостью. Радость охватила Бхола.

Наконец они приехали.

Оставив Радху на улице, Бхола переступил порог хижины. Он пришел как раз в тот момент, когда ее обитатели затеяли очередной спор. При появлении Бхолы они затихли и дружески приветствовали его, а узнав, что он хочет у них временно поселиться, снова зашумели. Но то был уже совсем другой спор: каждый хотел, чтобы Бхола был только его гостем, каждый предъявлял на него свои особые права. Джонни доказывал, что он первый познакомился с Бхой. Анвар Миян убеждал друзей, что именно он уступил юноше часть своей постели на каменном ложе. Панду сказал, что благодаря ему Бхола получил работу. Бхола безуспешно пытался произнести хоть одно слово. Кончилось тем, что он громко крикнул:

— Я не один, со мной Радха.

Это имя произвело на Джонни, Анвара и Панду впечатление разорвавшейся бомбы. Каждый из них, убежденных женоненавистников, счел своим долгом предостеречь Бхола от необдуманного, опасного шага.

— Но она моя жена! — воскликнул юноша. Но и это не смягчило их сердца.

Актер, прочитав строки из поэмы «Ага Хашер» о том, что женщина опаснее ядовитой змеи, сказал:

— Когда мы строили эту хижину, то решили, что двери ее всегда будут открыты для любого мужчины, нуждающегося в жилье. Что касается женщин, то им здесь нечего делать, и они не переступят порог этого дома.

Панду привел цитату из Библии; он сказал, что во все времена женщина была причиной падения не только простых смертных, но даже великих мудрецов и святых.

Скрипач Джонни прочел отрывок из Шекспира, а затем напомнил об Адаме и Еве, о ее первородном грехе.

Тогда Бхола вынужден был прибегнуть к последнему аргументу: он сказал, что Радха скоро будет матерью.

И сразу же все пошло по-другому.

— И тебе не стыдно! — закричал старый актер на Бхола. — Она собирается стать матерью твоего ребенка, а ты оставил ее на улице!

— Скорей приведи ее сюда, — не сказал, а командовал Панду.

А когда в хижину вошла Радха, опять возник невообразимый шум: один предлагал ей стул, другой уступал постель, третий просил взять у него подушку.

Когда все было улажено, друзья начали объяснять Бхоле, почему они изменили свое прежнее мнение.

— Видишь ли, женщина есть женщина, а мать есть мать; мать дает жизнь человеку, — рассуждал актер.

— Пойми, Бхола, мы придерживаемся двух принципов, — дополнил актера Панду. — Первый принцип — давать убежище мужчине и отказывать в этом женщине. Второй принцип — не отказывать в этом женщине, если она должна стать матерью; кто знает, может быть, она носит под сердцем мальчика!

— Подумать только — на земле появится новый человек! — воскликнул Джонни.

Так Радха была принята в семью трех закоренелых холостяков.

Прошло всего несколько дней, и хижина преобразилась.

Радхе и Бхоле отгородили угол, где молодая женщина чувствовала себя полновластной хозяйкой. Холостяцкому беспорядку пришел конец. Она заботливо присматривала не только за Бхой, но и за его друзьями. Она командовала старыми людьми, словно младенцами, и, как ни странно, им это нравилось, нравилось, что такая хрупкая женщина так смело распоряжается ими.

Теперь, когда они стали жить вместе, Панду сказал Бхоле:

— Помнишь, ты обещал обучить меня читать и писать, а я обещал научить тебя драться? Теперь для этого самое подходящее время: ведь ты скоро станешь отцом, и тебе придется защищать свою семью.

В один из свободных дней Панду дал Бхоле первый урок, избив его до полусмерти.

— Запомни, бандит Джага в любой день может нагнать сюда и увести твою жену, — умышленно подогревал ученика силач. — Джага умеет драться, а у тебя не хватит сил, чтобы выручить Радху из беды. Ведь ты — трус... Радха недурна собой... Я и сам не прочь сбежать с ней...

После таких слов Бхола вскочил на ноги и с яростью бросился на Панду. И когда силач получил хороший удар, он обрадовался, что все же кое-чему научил Бхола.

— Наступит час, когда ты скажешь мне спасибо за учебу, — говорил Панду, защищаясь от метких ударов юноши.

Эти тренировки продолжались много месяцев.

В те часы, когда Бхола и его трое друзей отлучались из дому по своим делам, Радха оставалась в хижине одна. Но ей не было скучно. Она подружилась с маленьким мальчиком. Он был сиротой, звали его Мангу. Этого мальчика бандиты и воры заставляли тайно сбывать спиртные напитки. Молодая женщина своей материнской добротой постепенно завоевала доверие и любовь мальчика. Она рассказывала ему сказки, учила читать, подарила ему книжку с картинками. Узнав от мальчика, в какой он находится компании, Радха очень просила своего маленького друга не знаться больше с ворами.

Однажды Мангу отказался отнести в бар бутылку виски. Когда об этом узнал Джага, он пришел в ярость. Он разыскал Мангу и, вырвав из его рук книжку, жестоко избил. Но мальчуган не сдавался. Он твердо решил сдержать слово, данное диди Радхе.

— Ладно, ладно, постреленок, доберусь я и до твоей диди, — сказал бандит, ударив напоследок мальчика носком башмака.

Радха шила детские распашонки, когда в хижину ворвался Джага.

— Значит, это и в самом деле ты! — крикнул он.

Радха была потрясена. Крик ужаса вырвался из ее груди. В памяти Радхи возникли тяжелые картины позора и унижения.

Недошитая распашонка выпала у нее из рук, и грубые, грязные башмаки Джаги растоптали ее.

— Значит, это ты! — повторил он угрожающим голосом. — Так вот где ты скрывалась все это время! Ничего, ничего! Я еще с тобой рассчитаюсь... Не сейчас. Сейчас мне некогда.

Бандит вышел, но выражение ужаса не сходило с лица Радхи. В этот момент в дверях показался Бхола, вернувшийся с работы.

— Радха! — воскликнул он, взглянув на жену. — Что с тобой случилось?

— Он был здесь, — только сказала она.

— Кто «он»? Назови мне его, и негодяй никогда больше не посмеет огорчать тебя.

— Джага! — произнесла она и, видя, что Бхола собирается догонять бандита, закричала: — Не ходи! Прошу тебя, не ходи. Он убьет тебя!

Опять тот же тротуар и та же мостовая, где Бхола провел немало ночей на каменном ложе.

Но теперь здесь было очень много новых, незнакомых ему людей. Ночью снова раздались чьи-то тяжелые шаги. Снова Джага пришел собирать дань с тех, кто не имеет крова и потому вынужден под страхом смерти отдавать последние гроши этому повелителю преступного мира. Каждый, к кому он подходил, бросал в жестянку монету.

Вот Джага протянул свою жестянку человеку, который, казалось, крепко спал. И вдруг «спящий» приподнялся и сильно ударил по ней рукой. Монеты со звоном посыпались на панель... Это был Бхола.

Бхола быстро вскочил на ноги, и Джага встретился с его угрожающим взглядом.

— Кто ты такой? — спросил бандит, сделав несколько шагов назад, прежде чем вступить в драку. — Мне очень интересно узнать, кого я сейчас отправлю на тот свет!

— Я муж Радхи, — сказал Бхола... И тут они сцепились, объятые неугасимой ненавистью. Все бездомные, все люди улицы со страхом и надеждой следили за страшным поединком.

Узнав от Радхи, куда побежал Бхола, к месту драки подоспели Анвар, Джонни и Панду.

Каждый из друзей Бхолы старался его воодушевить. Актер комментировал схватку высокопарным языком в духе классических трагедий далекой древности.

Джонни-музыкант наигрывал на скрипке веселые мелодии, чтобы вселить в юношу бодрость и веру в победу.

Силач Панду пользовался каждым удобным случаем, чтобы дать полезный совет своему бывшему ученику.

Джага скоро понял, что ему одному не справиться с этим парнем. Он пронзительно свистнул, зовя на помощь бандитов своей шайки.

На выручку ему прибежали еще трое громил. Тогда Панду не удержался. Он выхватил из-за пояса нож.

— Пусть они дерутся один на один. Иначе вы будете иметь дело со мной, — крикнул он, замахнувшись ножом.

— А ты кто такой? — спросил один из сообщников Джаги.

— Я? — переспросил Панду. — Надеюсь, вам знакомо такое имя — Рагиа-дада? Так вот это я и есть.

Бандиты не на шутку испугались. Каждый из них хорошо знал, как искусно Рагиа-дада владеет ножом.

— Убирайтесь, пока целы! — скомандовал силач, и громилы тотчас же исчезли, словно их ветром сдуло.

А тем временем Бхола вырвал нож из рук Джаги.

Но Бхола вовсе не намерен был убивать своего противника. Наградив его последним пинком, он воскликнул:

— Запомни, пришел конец твоему царству, Джага. С этого дня ты не будешь больше наводить страх на ни в чем не повинных людей. Не будешь трогать беззащитных девушек своими грязными лапами.

И Джага бросился бежать, провожаемый гиканьем и свистом всех обитателей улицы.

В тот момент, когда Бхола торжествовал победу, прибежал маленький Мангу.

— Скорее отправляйтесь домой, диди очень плохо! — сказал он Бхоле.

Всю ночь Радха находилась между жизнью и смертью. Старая женщина, заменявшая акушерку, шепнула Бхоле, что положение крайне серьезное. Всю ночь Джонни молился за благополучный исход родов. Актер совершал намаз, прося аллаха сохранить жизнь Радхе и ее ребенку. «Уж лучше мне умереть», — говорил он. А Панду все время клялся своим бесчисленным богам, что, если все обойдется благополучно, он добровольно отдастся в руки полиции и тем самым искупит свои тяжкие грехи.

Утром Радхе стало лучше.

Не успели Бхола и его друзья успокоиться после пережитого волнения, как их постиг новый удар: они услышали зловещный грохот и гудение бульдозеров.

Это владелец земли, на которой бедные люди построили хибарки, приказал снести их, чтобы расчистить место для своего нового дома.

Разрушительная работа началась. Медленно и тяжело ползли по грудам обломков бульдозеры. Они все ближе и ближе подбирались к хижине, где Радха в неимоверных муках ожидала ребенка.

Обеспокоенный судьбой жены, Бхола в отчаянии преградил путь бульдозеру, крикнув: «Не пущу! Делайте со мной, что хотите». Бхола поддерживал его друзья. Но разрушители были неумолимы.

За руль бульдозера сел сам надсмотрщик. Он нажал на рычаг, и стальное чудовище двинулось вперед. И тут сквозь грохот машины послышался торжествующий крик новорожденного. Надсмотрщик затормозил.

Хижина была спасена.

Надсмотрщик доложил владельцу участка, что бульдозер неисправен и что на ремонт потребуется не менее трех дней.

Итак, через три дня все, кто ютился в этой хижине, должны были вернуться на мостовую. Другого выхода не было.

И вот снова тротуар. Снова мостовая. Снова каменное ложе. Среди обитателей улицы мы опять

встречаем старых знакомых: Бхолу, Радху, музыканта, актера...

И все повторилось сначала. Анвар Миян опять упрашивал Бхолу взять себе часть его постели. Прислонившись к каменной стене, Джонни настраивал надтреснутую скрипку. Самое лучшее место было предоставлено Радхе с ребенком.

На тротуаре появился Панду. Обращаясь к друзьям, он заявил, что выполнил клятву, данную богам. И попрощавшись со всеми, Панду позволил поджидавшим его полицейским надеть на него наручники.

Старый музыкант повел смычком по струнам и в звуках музыки излил свою печаль.

Анвар сказал Бхоло:

— Наш друг Панду прекрасно сыграл свою самую трудную роль: он сам, по своей воле отдался в руки правосудия... О, если бы и мне, пока я жив, удалось сыграть хотя бы одну действительно большую роль, роль, которая пережила бы меня. Тогда бы я умер спокойно.

Несчастный и не подозревал, что очень скоро ему придется сыграть свою последнюю и самую трагическую роль в пьесе, которая называется жизнью.

Когда все вокруг было объято сном, смерть вынырнула из темноты ночи.

Смерть мчалась со скоростью семьдесят миль в час. Она сидела в роскошном автомобиле, купленном на черном рынке за девяносто тысяч рупий беззаботным молодым человеком, который возвращался с очередного кутежа.

За рулем сидел этот загулявший бездельник. У него двоилось в глазах от выпитого вина и бессонной ночи.

Когда эта роскошная машина столкнулась с таксомотором, мчавшимся на такой же бешеной скорости, смерть бросилась на панель...

Брызги крови покрыли подушку, расшитую стихами, в которых древний поэт прославлял радости жизни.

Изувеченный Анвар Миян знаками попросил своего друга Джонни сыграть ему что-нибудь.

— Я хочу унести с собой звуки твоей скрипки, — сказал он еле слышно. Затем, посмотрев на Бхолу, он так же тихо спросил:

— А как ребенок? Как Радха?

Бхола ответил:

— Ребенок спит, а Радха молится за вас.

— Увези их отсюда, — прошептал умирающий, и трудно было понять, бредит он или говорит, осмысливая сказанное. — Оставь этот город, где у человека нет никакой надежды, где человек подыхает, как собака, на мостовой. Когда ты уедешь, вслед за тобой все, все уедут. Опустеет город. Ты видишь, становится все темнее и темнее... Ничего уже не видно...

И для него, бывшего актера Анвара Мияна, Бомбей умер.

Утром увезли разбитое такси. Увезли и изувеченное тело Мияна.

Но Бомбей продолжал жить...

На другой день Бхола и Радха стояли у окна вагона. Они решили покинуть Бомбей. Радха держала на руках ребенка. Поезд мчал их навстречу будущему. Потому что на этом не заканчивается повесть об их жизни. Их жизнь только начинается.

Авторизованный перевод с английского
Л. МОРОШКИНОЙ и Б. ЭПЕЛЬФЕЛЬДА

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ГУМАНИСТ

Пакистан постигла тяжелая утрата. На 92 году жизни скончался выдающийся ученый-лингвист, литературовед и видный общественный деятель Моулви Абдул Хак.

Всю свою яркую жизнь Абдул Хак посвятил изучению и развитию языка и литературы урду, национальной культуры народов Западного Пакистана. Заслуга Абдул Хака, его учеников и соратников в том, что, несмотря на трудности в условиях становления Пакистана как государства, они сумели организовать изучение родного языка и литературы.

Абдул Хак создал грамматику языка урду, несколько словарей и около 15 других крупных лингвистических работ. Под его руководством выпущены десятки различных учебников, издано несколько сотен книг на языке урду по различным отраслям знаний.

До последних дней он руководил группой пакистанских филологов, работающих над составлением академического словаря языка урду.

Как известно, урду стал одним из государственных языков Пакистана и все более успешно распространяется, вытесняя английский — язык бывших колонизаторов. Значительная часть прессы и печатных трудов издается теперь в Пакистане на урду, а не на английском. В этом прогрессивном деле, несомненно, огромны заслуги просветителя Абдул Хака, который нес в народ грамоту и литературу на его национальном языке. Самые широкие слои пакистанцев любовно называют Абдул Хака «баба урду» («отец урду»).

Ученый много сделал для ознакомления Индии и Пакистана с мировой литературой, с произведениями русских и советских писателей. Он неоднократно выступал также за сотрудничество с советскими учеными.

Абдул Хак не только заботился об изучении и пропаганде языка и литературы урду. Мужественному ученому-патриоту были

дороги судьбы своей страны, ее свобода и независимость.

Понимая, насколько губительны для Пакистана участие в агрессивных военных блоках СЕАТО и СЕНТО и односрочная ориентация на западные державы, Абдул Хак в июне нынешнего года обратился к президенту и правительству Пакистана с призывом пересмотреть вопрос о членстве Пакистана в СЕНТО и СЕАТО.

Вступление Пакистана в военные блоки, указывал ученый, привело к ухудшению отношений с арабскими и братскими мусульманскими странами, а также с другими соседними государствами. Пакистан, писал Абдул Хак, присоединился к военным пактам, чтобы удовлетворить «интересы глобальной стратегии США, Франции и Англии». Ученый призывал к развитию дружественных отношений Пакистана с Советским Союзом и другими странами, независимо от их социально-политического строя.

Советская общественность разделяет скорбь народов Пакистана в связи с кончиной выдающегося ученого и патриота.

П. УРАПОВ